

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

I

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Н. Я. МАРР

Нужно ли знать факты?

(Мысли по осмыслению вежливых способов обращений
в современной Персии)

Н. Белгородский собрал в печатаемой ниже работе сногшибательное количество всяких вежливых обращений в современной Персии — имен, титулов, «конье», прозвищ, отчеств и фамилий, и дает порой опыт их разъяснения. Но исследователю восточной литературы и языка нужны ли факты? Едва ли кто даст отрицательный ответ. Более осторожный, может быть, воздержится. Но стоит только вспомнить, что вопрос представляет холостой выстрел без начинки содержанием двух других неразлучных братьев, среднего: «откуда брать факты?» и особенно младшего: «как брать факты?», как возникает разногласие, и мир обращается в бой. Одному недосуг искать факты на Востоке, когда нужные из них имеются в Европе, особенно в Западной Европе, и все они, предполагается, изучены. Многие уверены, что французы лучше знают свою собственную историю большей древности, чем историю греков и даже финикийян, чем «восточные люди», хотя бы персы историю своей родной страны: у этих по крайней мере сохранились сказки про свое прошлое. Ведь история Франции отнюдь не начальных только эпох отогнана в «доисторию», и историкам дела нет до нее. Другому нет дела интересоваться чем-либо за пределами литературных источников, ибо дальше все от «лукавого», т. е. это или опять-таки «доистория» или никому не нужный «хлам» и т. д. А насчет отбора фактов, то большинство, уверен, склоняется к тому, чтобы быть Диогеном, ищущим не человека, а правду, да с фонарем без огней: собирай все,

а потом истина-правда выплывет и мусор отпадет сам-собой. Иначе факты будут, мол, искажены предвзятой идеей. Предполагается, в XX в. или в век эллинических Платонов да Аристотелей кто-либо из ученых мыслителей, ну, хотя бы научных работников, на плечах носит пустую голову — без «предвзятой мысли». Это было бы так же верно, как то, когда наличные в мире отсталые народы или племена принимаются в какой-либо мере за первобытные, и в этом смысле «дикие» или даже «натуральные». Работа Белгородского «Социальный элемент в персидских именах, прозвищах, титулах и фамилиях», наоборот, может вызвать другие сомнения: охота возиться с этими чиновничьими титулами, да еще в подзаголовке упомянутыми «обращениями», буржуазными или феодальными. Но ведь говорить-то приходится с любой национальностью, едва ли менее за рубежом, чем теперь и внутри Союза, тем языком, каким она мыслит и говорит, а не «общечеловеческой» речью, ибо общечеловеческой речи и в Европе не существует. Да и русский язык ведь тоже национальный язык и только, и это несмотря на глубину его содержания, и старую, и новую, и изумительные прелести его оформления, источники которых, хотя и не на славянском небе, но вовсе не так открыты, чтобы о них можно было судить и рядить каждому. А насчет мышления — если даже закроем глаза на «подсознательную» его великодержавность, правда ли такая неувязка между тем, что вскрывают собой имена и прозвища высоких сановников и господствующих слоев, с одной стороны, и менее пышные наименования низового массового населения?

Ограничимся двумя, тремя примерами, опираясь на фольклорные материалы, связанные с ними в изложении самого автора. Хотя арабские слова в моменте формального выявления, звучания, отнюдь не говорят еще об их арабском содержании, но о терминах *ism* и *koq-ue* мы лишь упомянем и то потому, что у первого не утрачена еще генетическая увязка с космическим мировоззрением (см. арб. šeta^{nn} 'небо', šams^{nn} 'солнце' и др.), а второй разъяснен уже в печати до эпох тотемических, с лошадиным тотемом, и до магических предметов, увязывающих ассир. 'печать', да и армянский термин с русской «книгой»,¹ означавшей в XI в. не только 'книгу', но и 'буквы', как впервые обратил мое внимание Б. Д. Греков (стало мне известно потом, благодаря справке А. С. Орлова, такое же осмысление

¹ Н. Я. Марр. Термины 'книга' и 'письмо' в яфетидологическом освещении. Сборник «Книга о книге».

и в текстах IX—X века), да и за более позднее феодальное время ряд терминов социального строя. Естественно, нам не обойтись без опоры в баснях да мифах, хотя бы живых до современности. В актуальности их для самых глубоких теоретических изысканий не может быть ни малейшего сомнения, если мы всерьез думаем вырвать девственные по новой культуре, надстройке современного производства и техники, массы из когтей впившихся в них кровопийц, хищнических, но стройных, веками строившихся идеологий, корнями в отжившей материальной реальности. И в то же время мне понятен остракизм, который способна навлечь на себя статья Н. Белгородского, рикошетом подвергнуть ему и нашу заметку из-за одиозности самих названий.

Кому, в самом деле, нужны бабушкины сказки? Конечно, никому. Из них, казалось бы, ни шубы не сошьешь у нас, ни в Персии халата не скроишь. А на деле? Что вы скажете, когда общественно выявляющая себя среда в Персии пронизывает современность не одной дневной действительности? Она обволакивает ночную передышку, отдых от работ, именно трудящихся масс (и правда ли только «невежественных» крестьянских?), паутиной из этих именно бабушкиных сказок, — паутиной, обращенной в железные тиски старого мировоззрения, тормоз нормального хода развития науки, следовательно, и мирового процесса человеческого творчества в производстве и его надстройке. В самом деле, Н. Белгородский сообщает сведения не одной пригоршней, зачерпнутой прямо из жизни, мимо которой мы проходили, любуясь изысканной художественной мудростью Саадиев, Хафизов, Хаканиев, а то и попугаев, подлинных птиц попугаев с речью той же феодально-буржуазной общественности. И узнаем мы, что и сеидов развелось в Персии $n + 1$: их такое множество, что сбивает всякие расчеты о «правах» такого их высокого звания (стр. 227). И множатся сеиды не только при дневном свете, но и при мраке ночи, естественно больше темной ночью (очень кстати у арабского сеида *seïd*ⁿⁿ в персидском имеется созвучный двойник *seūdī* в значении 'сверчка, стрекочущего ночью', и в письме без огласовки *سیدی* является предметом соблазна, понять ли его как 'ночную стрекозу' или как 'сеид мой') — во сне и в свидениях, и посему возникают понятные разве по «первобытной» простоте в соответственной массовой среде действительные легенды. Узнаем, как Магомет в конце концов добился того, что, словив упорство своего ближайшего на месте по этой части агента, сельского муллы, не хотевшего верить несерьезным внушениям

ночного привидения, сна, уверил все население в их происхождении от него самого, от пророка, в их сеидстве, и на утро все массовое население объявило себя сеидами, и все признали за собой и за соседями право носить темносиние чалмы сеидов. Эта нелепая и для сказки басня в соответственной среде не нуждалась ни в каком идеологическом обосновании для своей приемлемости. Вопрос о происхождении самих сеидов становится выходящим за круг привнесов арабской «мусульманской» культуры, когда их многочисленностью, возбуждавшей не мало сомнений, старались самый институт местного языческого происхождения, имеющий не мало общего с успешным вращаться в христианскую церковь у армян «вардапетством»,¹ укрепить в мусульманской среде нелепыми связями с самим Магомметом, найдя опору для его популяризации, широкой огласки и легитимизации в соответственном толковании одной хорошо известной, но мало понятной поговорки: «нет, если угодно богу, это козел (а то: лососина)». Здесь улавливается случай глубочайшего недоразумения, когда думают, что речь о 'козле' или 'лососине', как реальном пищевом продукте, но об этом — в другом месте, где, между прочим, 'козел' окажется тотемом, отнюдь не случайным омонимом космического 'солнца', надстроечно — 'истиной', 'правдой'. Не иначе обстоит дело и с 'лососиной', salmo (нем. Lachs, средненем. lahs, это же общегерманское слово с «славо-литовскими» связями родственными также, но иного общественно-идеологического происхождения) и т. д. Однако, и без палеонтологии обыденный факт тем не менее тоже факт: приведенная непонятная поговорка — хорошо ходячая монета со стоимостью и прочным кредитом по всей и литературной Персии, а не только в каком-либо убогом по просвещению селе, где мог совершиться невероятный факт и без всякой философской аргументации. Так может обстоять дело не в одном персидском селе, где за ночь все население становится сеидами. Так обстоит дело не в одном очень просвещенном в науках и художествах городе, где, как будто по щучьему велению, без всякого также философского обоснования, создается фаланга ученых сеидов, и затем целому поколению, опять-таки не одному, приходится бороться с весьма сомнительными результатами, с продукцией их традиционного законодательства, успевшего проникнуть во все щели и извилины человеческого мышления, осесть в них и вращаться корнями в быт и бытие всего массового

¹ Н. Я. Марр, Критика и мелкие статьи. ТР, т. V, стр. 34—36.

населения, у которого есть ночной отдых от дневного труда, но нет ни днем, ни ночью спасения от закабалившего его мрака так называемой первобытной мудрости, часто по недоразумению именуемой естественным достоянием «дикарей». Ведь кто гарантирует, что такой «дикарь» не сидит за пределами не только Персии и даже всего Востока (и европейского) где либо, напр., в настоящей Европе на троне или фактически на более ответственном по просвещению министерском кресле, не будем говорить о не менее ответственных по той же части «свободных» профессиях, вплоть до профессии высоко квалифицированного ученого. Ведь такое определение («дикари») в общепринятой обстановке буржуазной Европы невольно дается отсталым народам и из уст действительно головой стоящих выше своей среды ученых мыслителей. Речь идет о Поле Лафарге, «глубоком знатке марксизма, первоклассном стилисте и превосходном сатирике», что «придает необычайную силу убедительности его доводам».¹ В суждениях Лафарга, думаю, своевременно отметить одно недоразумение. Тут вопрос не в случайно затесавшемся термине, а в следующем положении (п. с., стр. 32): «Материалистическая теория происхождения абстрактных понятий... выдвинутая и обсуждавшаяся мыслителями Греции, воскрешенная в Англии философией XVII в., со времени торжества буржуазии была устранена из круга философских проблем». Сказанное безукоризненно: у нас нет, разумеется, никаких оснований не разделять полностью выраженной в этом отрывке мысли, имеющей значение бесспорного положения. Но как в отношении его же работы о Прометее, мы никак не можем согласиться с мнением В. Гоффеншефера, редактора русского перевода другой его работы «Язык и революция», в своей характеристике выставившего Лафарга как «упорного борца с индоевропейской лингвистикой» на том основании, что он «отвергает происхождение мифа и самого имени Прометей и связь этого имени с санскритским корнем 'огонь'. Он производит имя Прометей от греческого глагола 'предусмотреть'». И здесь я не касаюсь существа дела, поскольку у Лафарга миф относится «в эпоху смены матриархата патриархатом» и т. д. Обо всем этом речь будет у нас в специальной по вопросу работе. Мы хотим только сказать, что когда Лафарг, опровергая связь Прометей с санскр. 'огнем', производит имя «Прометей» от греческого глагола 'предусматривать', то это есть чистейший индоевропеизм и, ведя бесспорно «упорную

¹ Поль Лафарг, Сочинения, т. III, 1931, Госссоюзгиз, Институт Маркса и Энгельса. От редакции, стр. III.

борьбу с индоевропейцами», в данном случае, он, марксист, работал конкретно языковедно как индоевропейист. Это факт, который надо знать. На страницах органа востоковедения было бы неуместно задерживаться вообще на столь древней теме, как сохранившийся нам от так наз. «доистории» Прометей, хотя для литературоведческого отделения института «похититель огня», пожалуй, мог бы представить интерес, поскольку он известен именно как герой и сюжет литературных произведений у тех же греков. Греки, однако, предел наших знаний в глубину времен, в современной методологии, и в то же время не знаю, позволительно ли о греках говорить, когда заняты мы востоковедением? Однако, разрешим себе сказать и о греках в отношении цитованного отрывка из Лафарга одно: как понять утверждение, что «материалистическая теория происхождения . . . выдвинута [я] (курсив наш. Н. М.) была греками». Откуда греки ее «выдвинули»? Лишь из себя, греков, или она «выдвигалась» и раньше, но Европа это относит к «доистории», и на нет, мол, и суда нет? Востоковеду, однако, хотелось бы получить разъяснение, в какой мере можно, не борясь с фактами, уже из подлинной истории утверждать, что «материалистическая теория происхождения абстрактных понятий» есть от корней до вершины плод творчества одних европейцев. Не играли ли какую-либо роль в творчестве философских идей Европы, и материалистических, кое-кто и из восточных мыслителей?

Думаю, не трудно на это ответить, но труднее придать «силу убедительности» своим высказываниям востоковеду, да еще лингвисту, считающемуся с силой фактов не только в языкознании, но и литературоведении и кое в чем за пределами звучащей словесности, но, увы, не располагающему действительно марксистски проработанными шедеврами восточных литератур (их ведь не одна), в том числе и персидской. Здесь фольклор, на который литературоведы зарятся как на предмет своих исследовательских вождений (и он доселе жертва их исследовательских проработок, да еще этнографов под руководством антропологов-натуралистов или без всяких руководств), лежит девственно непечато в отношении теоретического исследования. Потому-то мы не можем не обратить внимания на ценность тяги молодых наших советских работников в Персии к таким материалам, как, казалось бы, чисто буржуазно-чиновничье происхождения клички, которые требуют увязки миропонимания опять-таки и высших сановников с бытовым повседневным мышлением масс, да не только с мышлением, притом с выходом за пределы Персии своими корнями, отнюдь не в одну Аравию, а повсе-

местно, не исключая так действительно «упорно» везде и всегда замалчиваемого Кавказа.

Автор меньше отводит места способам наречения женщин, потому ли, что богатой, как в мужском ономастиконе, практики у женщин в реальности нет, или женская среда менее доступна наблюдениям. Соответственный материал, как нам кажется, менее выявлен, не говоря об исследовании. Однако и в этой части интересно отметить два факта: 1) «к женщинам, старшим в доме, к почтенным женщинам вообще, а также, опять-таки, к женам сейедов в хетабах прилагается — *bibi*», 2) и по сей день «в письменном языке женщин называют *baḡi* — мн. число *baḡuvan*». Последнее, в форме *baḡovan*, — обычный термин и у грузин в средневековой феодальной речи для обозначения матрон.

А *bibi*? Вероятно, не менее было известно в XII—XIII вв. в той же феодальной речи. Правда, его нет ни в новейшем европейском словаре грузинского языка (Richard Meckelein, *Georgisch-Deutsches Wörterbuch*. Berlin und Leipzig, 1928), ни в одном из двух словарей Чубинова (акад. трехязычный груз.-русс.-франц. 1840 г. и двухязычный груз.-русс. 1887 г.), ни даже в словаре С. Орбелиана, но его находим в стихотворных же парафразах известной элегии Шоты из Рустава или разделившего судьбу Шоты, — элегии, наличной, по связи ли лишь с именем Тамары или по принадлежности тому же автору, в собрании од названной грузинской царице, из коих добрая часть, решаясь повторяться, имеет основание быть присвоенной тому же Шоте из Рустава. Здесь возвращающийся из пилигримства не в Палестину, в Иерусалим, а в Аравию, в Мекку, домой скиталец-поэт (значит мусульманин, какой ужас, при «национальном» представлении о «православной» Грузии, уделе богоматери), в дарах, которыми он наделен за свои вдохновенные песни, как обремененный добычей завоеватель, в числе прочего ведет 10.000 матрон (*bibi*) ‘прекрасных’ (*qmnułkeḡiḡi*), едва ли ‘предназначенных по сговору’ (*gakveḡiḡi*), как то издавалось и мною по изуродованному рукописному преданию.

В части современных правительственных, административных и общественных лекабов, богато представленных от литературных и астрономических (астрологических) с медицинскими до технических всякого порядка, интерес с точки зрения международного общения представляет упоминаемое в заключении вытеснение лекабов фамилиями и в связи с этим в регистрации, организованной в Персии при комиссариате полиции, тот языко-

вый факт, что фамилия называется *ism-l famiç* или *famiç*, а народ говорит *seḡeç*: если *famiç* говорит о привносе европейского течения тоже через рабочие массы с отхожих промыслов из Азербайджана и Персии в б. Россию, то *seḡeç*, казалось, явно арабского (*siḡil*) или вернее арабско-византийского (*σιγγέλιον*) происхождения, мы могли бы еще прибавить груз. др.-лит. *sigel* 'печать', особенно же 'жалованная грамота', 'хартия', и потянуться за разъяснением к лат. *sigillum* 'маленькая фигура', 'маленькое изображение' или 'статуэтка', 'отпечаток перстня-печати', что индоевропейцами разъясняется как уменьшительная форма лат. *signum*, но, увы, здесь все срывается, ибо «Волга не течет из Каспийского моря», а вливается в него, и *sign-um* имеет свой независимый от латыни грузинский двойник *ṭign* 'книга', 'буква', а главное *seḡeç* со значением 'рода' в народной речи относит в совсем иные еще понятия родового строя, куда, если не в более древние эпохи, влечет с латынью и арабский, и в мусульманстве не скрывающий своих тотемических корней, поскольку рядом со 'свитком, для писания или исписанным', 'грамотой', уже с определенным членом *al-siḡil^{un}* значит он 'секретарь пророка', 'ангел, записывающий дела людей', куда относится и почитаемый за персидское слово *siḡil^{un}* 'камни из обожженной глины' и особенно его значение прямо таки из магии 'камни с начертанными именами тех людей, которых они должны были поразить'. Мы прерываем на сем, довольствуясь здесь лишь указанием на то, как персидское употребление в живой речи термина не первый раз дезориентирует своими значениями показания связей по письменным источникам в путях заимствования и не первый раз приходится искать его первичные корни в пережитых стадиях развития производства и производственных отношений тотемических эпох магического мышления.

Когда в примечании к трем терминам из случаев применения *lekaḡ'a sadr a'zam*, *aḡabek a'zam* и *kaḡum taḡām* автор в примечании (стр. 237) пишет: «переводов отдельных лекабов мы не даем, так как переведенные на русский язык буквально, они теряют свою эмоциональность, кажутся просто нелепыми и вообще не дают никакого представления о значении, какое вкладывают в него персы», то, во-первых, переводы этих терминов можно дать и без учета эмоциональности их в персидской среде и персидского как бы добавочного осмысления, так из *sadr a'zam* (араб. *ṣadr aẓzam*) — *aḡa-bek* (|| *aḡabek* → *aḡabag*) последний представляет на Кавказе точный перевод исконного грузинского термина латифундно-феодалной

общественности с корнями в родовом строе *там-фал*. Термин этот, означающий 'отец' (груз. *там*^Га¹), 'начальник' (груз. *фал*, тур. *be-k*, resp. *ba-g*, ср. *bā-у* 'хозяин', 'муж', 'богатый'), в части Грузии, в Месхии (др.-лит. *Sa-mšq̄-e*, ср.-век. и нов. *Mesq̄-eš*), где слагалась ее новая государственность, сменил при монголах термином *ašabag*, поскольку *aša* значит 'отец', *ba-g*, resp. *be-k* \ *ba-у* 'глава', 'начальник'. Армянский эквивалент *hauč+a-re+t* уже термин непосредственно родового строя, причем, если сосредоточить внимание на вторые части груз. *фал* (тур. *ba-g*), арм. *pē-t* ← *peu-t* (↙ *peg-t*), тур. *be-k*, то *pe-t* и *be-k* разновидности одного и того же составного образования с противоположным выявлением согласного *t* ~ *k* (перехитки элемента *C*) и с утратой первой частью плавного исхода, легко прослеживаемого в армянской разновидности (*y* ↙ *r*) и непочато сохраненного (1) в грузинской, представляющей одноэлементное (элемент *B*) образование, наличное в составе *и-фал* 'господь', 'господин', слове еще тотемических эпох, откуда идет и тур. *ba-g*, *y* 'армян означающее 'кумир', '(языческий) бог'.

Не отрицая необходимости интереса и к эмоциональности, вызываемой этими терминами в персидской среде, и к значению, какое вкладывают в них персы, не можем мириться с обоснованием, напр., *sadr a'zam*, хотя бы и правильным, казалось бы, в отношении смысла с ссылкой на образность персидского языка или на анахронистические соображения мышления и речи доживаемой человечеством последней стадии (стр. 237, прим.). Располагая точными значениями, наличными в современном персидском языке, именно для *sadr a'zam*'а 'первое место в пиршеских или деловых собраниях' (*sadre-l medles*), равно 'центральное место за столом' (*sufra, sufrē*), приходя в общем правильно к выводу, что вместе с *a'zam* выражение в целом означает 'самое центральное', 'высокое место', надобности, пожалуй, нет обращаться, как к *ultima ratio*, к обычному или бытовому арабскому значению *sadr* 'грудь', *sufra* 'скатерть' и ставить затем себя в необходимость искать помощи в особой метафоричности и в особой образности персидской речи, когда эти хотя и современные термины относятся к «накоплениям» от ранних эпох населения самого Ирана и ему в те времена созвучного мирового соседства, а не Аравии, Греции и Индии. Одним словом, у этих современных терминов социального строя имеется весьма древняя идеологическая предпосылка, по Энгельсу. «опыт предков», в своей же родной материальной базе тех же древнейших времен. Так

для попутно прихваченного слова *sufra*, груз. *სუფრა*, 'стол' нет нужды вспоминать об арабском значении 'скатерть' (ср. арм. *սփր-օ՛* 'скатерть' вместе с глаголом *սփր-ել* 'расстилать'), и предполагать, что 'скатерть' возникла раньше 'стола'. Это не значит, что, следовательно 'стол', возник раньше 'скатерти', оба они возникли из одного и того же слова с понятием, расщепленным по двум предметам, первоначально ни нашей 'скатертью', ни нашим 'столом', точно так же как 'стол' и 'стул' лишь разновидности одного слова с понятием или представлением, соответственно расщепленным по двум предметам 'стола' и 'стула', выделившимся из одного. Для краткости объяснения достаточно напомнить об употреблении в старо-русском «трона» в значении 'стола' и 'кресла', если спуститься глубже, то и греч. *θρόν-ος* ни 'стол', ни 'стул', а 'небо', следовательно, и 'место', и 'время', почему, во-первых, у сирийцев *𐤏𐤃𐤒* значит и 'земля', 'страна', и *𐤏𐤃𐤒* 'время', при арм. *աժոց* 'трон', и, во-вторых, греч. *θρόν-ος* 'трон', прежде всего 'трон прорицательницы Пифии' (ср. также греч. *βαθρ-ον* 'лестница' с функцией подъема к *небу*, т. е. 'вверх'), 'ступень' и арм. *ba-dro-n-a-k* и 'лестница', 'ступень', и 'ложе', 'скамья' (см. Н. Марр, *Антиох Стратиг, Пленение Иерусалима персами в 614 г.*, ТР, т. IX, стр. 62, прим.). Точно так же арб. *ṣadr*^{an} 'грудь', конечно, нельзя не признать в составе персидского *saḍr a'zam*, но осмысление этого арабского слова у персов совершенно иное, имеющее корни опять-таки в массовой бытовой речи Персии и вынесенное с соответственным социальным слоем в оборот языка уже господствующего класса в феодальном строе. А в этой массовой речи слово *saḍr* было от соответственной стадии двузначимо, обозначало не только 'грудь', но и 'сердце', как в языках яфетической системы, так в грузинском — *gul* 'грудь'+ 'сердце', а 'сердце' означало и 'середину', 'центр'. Но это не все, когда особенно слово соединено с определением *a'zam*, словарно имеющее означать то качество в высокой степени, которое было присуще слову *saḍr* не как арабскому слову хотя бы в персидской речи, а как наименованию самого предмета в персидском быту, в названии которого использовано 'грудь+сердце' в линии 'сердца', 'середины', пока дело идет о 'месте' ('центральное место за столом'), но когда речь о 'лице', то опять-таки нет надобности говорить о встрече названий лица и места, как об отождествлении лица с местом, объясняемом, мол, «персидским образным языком», ибо 'сердце' в значении 'середины' уточняется, как то видим в живой речи, еще резче у грузин, присоединением

ka+kal — kakalgułш ‘в самую середину’, буквально ‘в середину-середину’ или еще примитивнее ‘в сердце-сердце’, ибо ka-kal представляет лишь удвоение kal ($\rightarrow gal$), подлинной разновидностью закономерной для грузинского языка, как языка свистящей группы при шипящем (мегр., чанск.) gug-ı ‘грудь’, ‘сердце’ (с элементом C *gur-de \rightarrow русск. *гру-дь*, русск. мн. ч. *гру+де-й* ‘грудь’ и только) и с небной огласовкой (e \longleftrightarrow ı) — ger-d (\leftarrow перс. gir+d ‘круг’, но раньше космически: ‘небо’ \rightarrow ‘солнце’ и пр.), груз. ker-d ‘грудь’ \sim ser+d (у русских в уменьшительной форме имя *сер+д-це*, но глагол *сер+д-и+ть-ся*) \longleftrightarrow арм. sir-t ‘сердце’. Но ka-kal в совершенно иной линии семантического развития, именно, исходя опять-таки от ‘неба’ к микрокосму ‘человек’ (сначала весь коллектив, и тогда слово — тотем), затем по нашему небу верхнему — ‘верх’, ‘голова’ и его противоположность ‘хвост’, ‘конец’, откуда по гортанной огласовке арм. ga+ga-ձըп ‘вершина’, по небной огласовке арм. kolo+ǰ (\longleftrightarrow литер. gəlu-ǰ) ‘голова’, тотемически — ‘колхи’, resp. gəlu-ǰ, откуда ‘Глу+х-орский’, т. е. ‘колхский’ перевал. Словом арабский термин, и у арабов означающий на том же основании не только ‘грудь’, и специально только ‘грудь’, а не ‘сердце’, для чего используется kal (ср. груз. ka-kal) в сочетании с элементом не C (ср. арм. ga+ga-ձըп, груз. ker-d, русск. «*гру-дь*», *сер+д-це*, арм. sir+t), а B — kal-b^{un}, но и ‘начало’, ‘главная’ или ‘первая часть’ (\leftarrow ‘голова’), у персов означает совершенно правильно по местному мышлению еще яфетической системы ‘главу’, ‘начальника’. Как будет использовано все сказанное кем-либо, начиная с автора статьи о титулах и т. д. у персов, в том числе и sadr a‘zam’e, и кончая всем кругом заинтересованных в познании Персии, не мне судить. А наш вывод? Нам ли под-сказывать единственно возможный ответ все на тот же вопрос: нужно ли нам знать факты?